

На правах рукописи

Мядзелец Ольга Александровна

**ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ
МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук».

Научный консультант: **Николюк Вячеслав Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ФГКУ «ВНИИ МВД России», главный научный сотрудник

Официальные оппоненты: **Насонова Ирина Александровна**, доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Воронежский институт МВД России», профессор кафедры уголовного процесса

Рудич Валерий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра правовых исследований, профессор кафедры уголовного процесса

Шарипова Алия Рашитовна, доктор юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», профессор кафедры уголовного права и процесса Института права

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»

Защита диссертации состоится 2 октября 2025 г. в 12 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 03.2.001.03, созданного на базе ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, ауд. № 404-406.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Академии управления МВД России: <https://a.mvd.rf>.

Автореферат разослан 30 июня 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук

Крымов Виталий Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Идея ответственности государства перед своими гражданами за незаконное и неоправданное применение к ним силы, принуждения уходит корнями к философско-правовым теориям учреждения в государстве компенсационных механизмов с упрощенной процедурой возмещения вреда. Однако только с принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) проблема фактической реализации указанной нравственной обязанности государства начала разрешаться.

С учетом соответствующих выработанных нормативных положений, закрепленных в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), УПК РФ, Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и других федеральных законах, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ), судебной практики стало возможным констатировать появление в национальном правовом пространстве признаков уникального межотраслевого правового института возмещения вреда любому лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства.

В начале своего становления институт возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства, воспринимался как часть институтов гражданского иска в уголовном деле и реабилитации. Приобретая самостоятельность как способ возмещения вреда широкому кругу лиц, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование, он фрагментарно сохранил гражданско-правовую компоненту и одновременно не перестал носить межотраслевой характер, давая возможность заинтересованным лицам заявлять требование о возмещении вреда в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Недостаточная разработанность теоретических основ института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, вполне ожидаемо привела к тому, что в научных публикациях особенности, оригинальность названного процессуального института освещаются недостаточно, авторы часто ограничиваются воспроизведением фрагментов закона либо вовсе его не рассматривают. При таком подходе, когда развивающие конституционное право каждого на возмещение вреда нормы УПК РФ, закрепленные в его ч. 3 ст. 133 и ст. 139, не находят должного внимания, рассчитывать на то, что в будущем дознаватели, следователи, прокуроры, судьи и адвокаты будут успешно их применять, не приходится.

Отсутствие полноценного механизма возмещения вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения, в котором основная роль отведена оценке законности применения к лицу мер процессуального принуждения, требует разрешения ряда вопросов, требующих выработки доктринальных положений реализации в уголовном судопроизводстве средства защиты, предусмотренного ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, имеющего своим назначением, как правило, возмещение вреда лицам, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование.

Категория «меры процессуального принуждения», на фундаменте которой возводится институт возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, не адаптирована для рассматриваемых случаев. Законодателю не удалось линейно связать используемый в контексте ч. 3 ст. 133 УПК РФ термин «меры процессуального принуждения» с одноименным четвертым разделом Кодекса, предусматривающим основания задержания подозреваемого, избрание меры пресечения и применение иных мер процессуального принуждения.

Еще противоречивее сформулированы основания возмещения вреда юридическому лицу. В ст. 139 УПК РФ законодатель не применил термин «меры процессуального принуждения», заменив его незаконными действиями (бездействием) и решениями. В этом был бы смысл, если исходить из того, что меры процессуального принуждения не применяются к юридическим лицам. Имущество юридического лица может быть арестовано в соответствии со ст. 54, 115 УПК РФ и ст. 1068 ГК РФ (когда юридическое лицо признается гражданским ответчиком за вред, причиненный преступлением).

Таким образом, в зависимости от того, какую версию в понимании сущности и видов уголовно-процессуального принуждения будет поддерживать законодатель, сфера действия института возмещения вреда, базирующегося на положении ч. 3 ст. 133 УПК РФ, окажется минимальной, символической либо, напротив, достаточно пространной и охватывающей большинство случаев, когда в ходе уголовного судопроизводства физическому или юридическому лицу причиняется вред мерами процессуального принуждения или незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя. Такое положение нельзя признать нормальным. Обозначенные ситуации должны разрешаться по упрощенным и менее затратным (в сравнении с Гражданским процессуальным кодексом) правилам, которые может предложить правовая наука. Пока же предусмотренное ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ процессуальное средство защиты прав физических и юридических лиц трансформируется в труднодоступную для понимания, толкования и применения норму-декларацию.

Аргументом в пользу уголовно-процессуальных аспектов производства в соответствии с ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ является отсутствие какого-либо консенсуса у исследователей в части видов вреда, возмещаемого по данным правилам; неоднозначна правоприменительная практика, в том числе по причине отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, несмотря на

то, что именно практические работники в первую очередь обращают внимание на недостатки конструкции гл. 18 УПК РФ, в которой не проводится разграничительной линии между основаниями возмещения вреда реабилитированным и иным лицом, не имеющим, как правило, процессуального статуса.

Результаты проведенного в ходе исследования анкетирования показали, что 244 из 527 опрошенных в ходе исследования судей или 46,3%, 73 из 178 сотрудника прокуратуры или 41% и 63 из 71 адвоката или 88,7% признают целесообразным провести четкую дифференциацию в гл. 18 УПК РФ оснований возмещения вреда между реабилитированными и иными лицами. Не видят необходимости в подобных изменениях гл. 18 УПК РФ 217 судей (41,2%), 55 прокуроров (23,3%) и 8 адвокатов (11,3%), что свидетельствует о наличии серьезной проблемной ситуации, связанной с применением положений гл. 18 УПК РФ, требующей тщательной теоретической проработки.

Процесс концептуализации института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения затрудняет влияние нескольких факторов: неразвитость доктрины данного института; недостатки действующего правового регулирования соответствующих отношений; проявление последствий конвергенции уголовно-процессуального и гражданского процессуального порядков возмещения вреда с попытками придать уголовно-процессуальным отношениям указанного вида гражданскую процессуальную форму; отсутствие в этой части единства судебной практики.

Очевидно, что механизм возмещения вреда широкому кругу лиц, понесших имущественные потери в связи с осуществлением уголовного судопроизводства, не отлажен и не может функционировать так, как предполагалось его создателями, стать таким, каким он должен быть в правовом государстве. Трудно переломить и традиционную практику, инерцию старого в подходах к выбору процессуальных средств защиты названных лиц, когда всегда безальтернативно предпочтение отдавалось гражданской процессуальной форме.

Если обратиться к отчетно-аналитическим материалам, ежегодно представляемым Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Президенту Российской Федерации, можно убедиться в том, что деятельность данного органа, единственной задачей которого выступает защита прав человека, направлена преимущественно на защиту прав участников уголовного процесса: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и осужденного.

Только совсем недавно Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации стал выделять категорию лиц, участвующих в уголовном процессе без присвоения им какого-либо процессуального статуса, называя их иными лицами. Из рисунка 1 на котором представлена динамика обращений за 2021-2023 годы в зависимости от категории участников уголовного процесса, в защиту прав и законных интересов которых направлены эти обращения, помещенного в Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год, наглядно видно, что

число иных лиц в сравнении с подозреваемыми, обвиняемыми и потерпевшими составляет около 7% или 4% соответственно.

Рисунок 1

Динамика обращений участников уголовного судопроизводства, в том числе без процессуального статуса

Однако в условиях, когда УПК РФ дополнен специальными нормами, установившими самостоятельную судебную процедуру реализации физическими и юридическими лицами права на возмещение вреда в случаях незаконного применения к ним принудительных мер в ходе уголовного судопроизводства, логичным продолжением усилий законодателя в этой части видится практическое применение положений ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ с научно-методическим сопровождением в виде соответствующих рекомендаций.

Указанные причины в комплексе придают исследованию института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, исключительную актуальность, своевременность, теоретическую и практическую значимость.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Теоретическая разработанность уголовно-процессуального механизма возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам соответственно незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу и действиями (бездействием), решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя объективно оценивается как невысокая после двадцати лет действия УПК РФ. В период между Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией РФ 1993 г. усилиями ряда ученых-процессуалистов (Б.Т. Безлепкин, Л.Д. Кокорев, А.П. Кун,

Т.М. Медведева, В.Я. Понарин, Л.А. Прокудина, В.М. Савицкий, А.А. Чувилёв и др.) теоретически был проработан правовой институт возмещения вреда, нанесенного незаконным осуждением, привлечением к уголовной ответственности и заключением под стражу, закрепивший за собой название «институт реабилитации».

Идея компенсации вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органом, осуществляющего уголовное судопроизводство, не только реабилитированному, но и всякому лицу, незаконно подвергнутому принудительным процессуальным мерам в рамках уголовного дела, получила определенное доктринальное оформление в научных источниках, опубликованных в период подготовки УПК РФ ко второму и третьему чтениям. В последующие годы правоведы Б.Б. Булатов, А.П. Гуляев, В.В. Николюк, Н.Ф. Сосновик и др. стали склоняться к тому, что признание проведенного следственного действия или примененной меры принуждения незаконным, ошибочным уже само по себе образует достаточное основание для возникновения у любого участника процесса права на возмещение вреда. Однако данный подход не получил сколь-нибудь широкого распространения среди научных исследований феномена «квазиреабилитация».

Опираясь на научные представления соотечественников (С.И. Баршев, С.И. Викторский, Н.Н. Полянский, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий) и констатируя реализацию в УПК РФ концепции бесспорных оснований ответственности государства за уголовное судопроизводство как перед его участниками, так и перед иными лицами, в том числе юридическими лицами, Л.В. Головкин обратил внимание на принципиальный, «широчайший», «максималистский» подход законодателя в этом вопросе, учитывающий случаи вынесения оправдательного приговора, прекращения уголовного дела по определенным основаниям (п. 1-3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), отмену вступившего в законную силу обвинительного приговора (п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ) и, наконец, незаконное применение мер процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Однако указанный вектор в развитии современного российского уголовно-процессуального законодательства кардинально не изменил содержание доктрины ответственности государства за незаконное применение мер процессуального принуждения и не послужил фактором, стимулирующим ее ускоренное развитие.

Позиция ряда ученых (Н.А. Аменицкая, А.А. Давлетов, О.В. Макарова, В.С. Раменская), различающих в правовом образовании, регулируемом главой 18 УПК РФ, два самостоятельных способа возмещения вреда – реабилитированным и иным лицам, нашла поддержку среди ученых и одновременно высветила ряд проблем, указывающих на необходимость совершенствования «узловых» элементов, входящих в структуру института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения (понятие мер процессуального принуждения; круг субъектов права на возмещение вреда; порядок проверки законности применения мер процессуального принуждения; основания рассмотрения требования о возмещении вреда в гражданском процессуальном порядке;

применение аналогии закона). Они фрагментарно затрагивались и рассматривались в трудах таких ученых, как Ю.О. Максимихина, Т.Н. Москалькова, В.В. Никулюк, А.А. Орлова, Д.Л. Проказин, Д.В. Татьяна. Однако соответствующие научные разработки больше носили постановочный характер, не отражали практических аспектов применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Интерпретация процедуры реализации предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ права на возмещение вреда неопределенному кругу лиц как смешанного правового института с уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной составляющими обусловили целесообразность обращения к доктрине правовых институтов на общетеоретическом и отраслевом уровнях. Данная проблематика в разные периоды исследовалась и развивалась в трудах Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, В.В. Артемовой, Г.С. Беляевой, С.Н. Братуся, А.С. Дежнева, Л.И. Дембо, М.С. Жука, Е.А. Кириковой, В.И. Кузьменко, Н.Ю. Лантух, А.М. Ларина, Ю.К. Осипова, В.А. Умаровой, Я.А. Шараевой, В.М. Шерстюка, В.С. Якушева.

В рамках разработки концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств С.В. Бурмагин обозначил «компенсационные производства», интерпретируя их как судебные производства по возмещению вреда лицам, упомянутым в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, и юридическим лицам (ст. 139 УПК РФ). Однако автор их не рассматривал, поскольку они не охватывались задачами его исследования.

Содержание научных исследований указанных авторов свидетельствует об устойчивом интересе теоретиков уголовно-процессуального права и, что особенно важно, правоприменителей к вопросам практической реализации взятой на себя государством обязанности возмещать вред лицам, незаконно подвергнутым уголовно-процессуальному принуждению. Вместе с тем сформировавшаяся на основе ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ правовая категория, длительное время находившаяся в «тени» феномена «реабилитация», ранее в науке уголовного процесса не анализировалась в качестве самостоятельного правового института, предмет которого составляют общественные отношения, возникающие и развивающиеся в связи с возмещением вреда широкому кругу лиц, пострадавших от незаконного применения мер процессуального принуждения. Данный нюанс является неисследованным, имея при этом существенное значение для теории уголовного процесса, совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Объектом исследования является совокупность общественно-правовых отношений, возникающих и развивающихся между участниками уголовного процесса и государством (в лице государственных органов и должностных лиц) по поводу возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Предметом исследования являются нормативно-правовое закрепление и практика применения уголовно-процессуального института возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, а также теоретические и научные положения теории уголовно-процессуальных институтов и уголовно-процессуального принуждения.

Целью диссертационного исследования является разработка целостной, теоретически и методологически обоснованной концепции института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения независимо от его реабилитации.

Цель исследования обусловила постановку и решение следующих **задач**:

– выявить и исследовать потребность уголовного судопроизводства в эффективной судебной процедуре возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения;

– оценить научные подходы к понятию феномена «институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения» и определить его соотношение с категорией «уголовно-процессуальный институт реабилитации»;

– в целях исследования сущности и назначения правового образования о возмещении вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, изучить современные представления о правовых институтах;

– выявить юридическую природу правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда лицу, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения, как фактора, определяющего процессуальную форму судебного производства по делам о возмещении вреда;

– выявить и раскрыть содержание признаков института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения;

– установить особенности реализации права на возмещение вреда реабилитированными и лицами, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ;

– исследовать внесудебные и судебные процедуры проверки законности применения мер процессуального принуждения;

– дать характеристику юридическому признаку института возмещения вреда с учетом соответствующих норм федеральных законов (УПК РФ, ГК РФ и ГПК РФ), конституционных норм и правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ;

– обозначить направления совершенствования института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения;

– для устранения пробелов в законе при регулировании отношений, связанных с возмещением вреда, сформулировать условия применения по аналогии предписаний ч. 1-5 ст. 135, ч. 2 ст. 136, ст. 137 УПК РФ;

– установить характер объективных связей норм, предусмотренных ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, гл. 18 УПК РФ «Реабилитация» и разделом IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», разработать предложения по объединению однородных и тесно связанных между собой нормативных предписаний.

Методологическую основу диссертации образовали всеобщие, общенаучные, специальные юридические методы, примененные комплексно с учетом специфики каждого из изучаемых элементов, входящих в структуру

предмета исследования. При выборе познавательных приемов для углубленного рассмотрения закономерностей формирования самостоятельных правовых институтов и причин подмены в судебной практике процессуальных форм разрешения требований физических и юридических лиц о возмещении вреда, в результате чего заявитель испытывает дополнительные неудобства и задержки в процессе судебного компенсационного производства, использовались сильные стороны сразу нескольких методов (например, по вопросу правильного определения подсудности рассматриваемых материалов изучались гражданские, арбитражные, уголовные дела, проинтервьюированы судьи, прокуроры, адвокаты, проанализированы статистические данные).

Использование всеобщего философского метода позволило установить предпосылки принятия серьезного политического решения возложить государством на себя обязанность возмещать вред не только гражданам, в отношении которых осуществлялось незаконное уголовное преследование, но и любому лицу, вред которому причинен незаконным применением мер процессуального принуждения. В контексте философских представлений о взаимодействии государства, человека и гражданина указанная выше обязанность рассматривается как безусловный нравственный долг государства.

Редко применяющиеся учеными методы восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному позволили дифференцировать правовые институты реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, определить место последнего среди уголовно-процессуальных средств защиты имущественных прав участников уголовного дела, уточнить категории и термины, образующие его понятийный аппарат.

Системный подход дал возможность выявить негативные последствия размещения предписаний о возмещении вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, в гл. 18 УПК РФ, регулирующих общественные отношения, связанные с реабилитацией, в то время как нормы названного института имеют собственный предмет правового регулирования (отношения по поводу возмещения вреда иным лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство). Этот же метод способствовал обоснованию предложения о смене «прописки» в УПК РФ норм, образующих исследуемый институт и включения их в раздел IV «Меры процессуального принуждения».

Использование аналогии сыграло важную роль для аргументации позиции о распространении положений о возмещении вреда лицам, незаконно подвергавшимся процессуальным принудительным мерам, на стадии возбуждения уголовного дела и исполнения приговора.

Гносеологические возможности анализа и синтеза, как традиционных методов исследования, позволили выделить признаки уголовно-процессуального института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, особенности действия признаков других отраслей права в сфере уголовно-процессуального регулирования, специфику их проявления в институтах материальных

и процессуальных отраслей права. С помощью указанных методов показаны этапы становления новых уголовно-процессуальных институтов, поддерживаемых до их окончательной институционализации нормами близких, родственных правовых образований.

Структурно-функциональный подход к изучению правового феномена, развивающегося на основе положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ способствовал определению его структуры и элементов ее образующих, а также формулированию предложений по оптимизации их правового регулирования (меры процессуального принуждения; субъекты права на возмещение вреда; законность и незаконность принудительных мер; иные лица как субъекты рассматриваемого права).

Роль аксиологии выразилась в выборе и обосновании доктринальной позиции, согласно которой пределы действия ч. 3 ст. 133 УПК РФ должны трактоваться широко, включая не только участников уголовного судопроизводства, но и иных лиц, в отношении которых осуществляются любые процессуальные принудительные действия. Именно ценностный подход, лежащий в основе формулирования в УПК РФ назначения анализируемых компенсационных норм, создал предпосылки для признания права на возмещение вреда любым лицам независимо от их процессуального статуса в уголовном деле или отсутствия вообще такового.

Важную роль в решении задач исследования сыграли и такие результативные для юридической науки методы как институциональный и сравнительно-правовой методы межотраслевых исследований.

Правовую основу исследования составили нормы Конституции РФ, федеральные конституционные законы, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также отраслей гражданского, гражданского процессуального, уголовно-исполнительного права, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, а также нормы УПК Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Республики Армения, Туркменистана и Таджикистана, относящиеся к возмещению вреда, причиненного незаконными следственными и иными процессуальными действиями.

В контексте дополнительных аргументов в пользу собственной позиции в части пределов действия положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ рассматривались и решения судов кассационных инстанций.

Теоретической основой исследования послужили разработанные отечественными учеными и опубликованные начиная со второй половины XIX столетия по настоящее время теоретические положения в области права, философии права, теории государства и права, касающиеся правовой природы государства, правосознания, нравственности, ответственности государства перед своими гражданами в связи с реализацией правоохранительной функции государственного принуждения.

В диссертации в качестве научных источников рассматривались и изучались заключения профильных комитетов Государственной Думы

Федерального Собрания Российской Федерации, рабочих групп, а также подготовленные в ходе обсуждения проектов УПК РФ.

Эмпирическую базу исследования составили:

- материалы 400 уголовных дел и 1023 гражданских дел, рассмотренных районными судами, судами субъектов, приравненных к ним судов г. Москвы, Санкт-Петербурга, Ставропольского края, г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, г. Воронежа и Воронежской области, Мурманской области с 2019 по 2024 год, а также 310 решений Второго, Третьего и Седьмого кассационных судов общей юрисдикции, изученные за период с 2020 по 2024 год;

- результаты проведенного в 2024 году анкетирования и интервьюирования (в целях изучения мнения в части понимания назначения в уголовном процессе положений ч.3 ст.133 УПК РФ, их содержания и возможностей практического применения) 527 судей из регионов: г. Москвы и Московской области, Красноярского края, Воронежской области, г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Ставропольского края, Тамбовской области, Второго кассационного суда общей юрисдикции, 178 сотрудников прокуратуры из регионов г. Москвы и Московской области, г. Владимира, Калужской области, Чувашской Республики и 73 адвокатов из регионов г. Москвы, г. Екатеринбурга и Красноярского края;

- опубликованные в отчетах Судебного департамента о работе судов общей юрисдикции статистические данные за 2018-2024 годы;

- доклады Уполномоченного по правам человека в РФ за 2018-2024 годы;

- материалы судебной практики Верховного Суда РФ, изученные в связи с участием в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве члена рабочей группы (от судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда (с 2010 по 2019 г.) и от судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции (г. Москва): «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» от 29 июня 2010 г. № 17; «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» от 29 ноября 2011 г. № 17; «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13 октября 2020 г. № 23; «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» от 28 июня 2022 г. № 22; «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15 ноября 2022 г. № 33);

- официальные обзоры и справки по результатам обобщения судебной практики краевых, областных судов и Верховного Суда РФ за период с 2017 по 2024 год.

Научная новизна исследования состоит в том, что правовое образование, представляющее собой смешанный уголовно-правовой институт возмещения вреда изучен на основе философско-правовых теорий взаимоотношений государства и граждан с использованием в качестве одного из эффективных методов – метода институционального межотраслевого сравнительного исследования, а также доктринального анализа судебных решений, позволившего установить принципиальную возможность использования для защиты права лица на возмещение вреда, причиненного лицу, незаконным применением мер процессуального принуждения уголовно-процессуальную форму защиты.

Наиболее значимыми результатами исследования, соответствующими критериям новизны, выступают следующие:

- выявлены предпосылки (распространенность допускаемых нарушений в результате применения мер процессуального принуждения, снижение уровня гарантии соблюдения права, предусмотренного ст. 53 Конституции РФ, отсутствие отраслевого механизма и процедуры возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения) формирования на базе уголовно-процессуального законодательства с привлечением норм гражданского материального и процессуального законодательства самостоятельного правового образования, назначением которого является обеспечение реализации обязанности государства возместить вред, причиненный гражданам и юридическим лицам, незаконным принуждением в ходе уголовного судопроизводства;

- установлены и показаны принципиальные различия институтов реабилитации и возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения;

- разработана структура общественных отношений, которые образуют материальный признак института возмещения вреда, подтверждена завершенность нормативного оформления юридического признака института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения;

- выявлена специфика юридической конструкции института возмещения вреда, заключающаяся в его ориентированности на возмещение вреда неограниченному кругу лиц, наличие обязательного этапа проверки и оценки законности применявшихся мер принуждения, использование комбинированной процессуальной формы рассмотрения требований о возмещении вреда;

- доказано, что самостоятельность институту возмещения вреда придают судебные и внесудебные процедуры установления законности применения к лицу меры процессуального принуждения;

- подтверждена смешанная правовая природа института, определяемая нормами УПК РФ, ГК РФ, ГПК РФ, правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ;

- определены направления совершенствования института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения;

- обоснован вывод о целесообразности объединения норм, регламентирующих институт возмещения вреда в рамках раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения».

Указанные и связанные с ними доктринальные позиции определяют обусловленность, назначение и место в уголовном судопроизводстве института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, увеличивают его теоретический и правоприменительный потенциал, способствуют совершенствованию данного правового образования и укреплению внутриотраслевых связей между процессуальными институтами, вносят существенный вклад в развитие теории уголовного процесса.

Сформулирован вывод о приоритетности использования в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, уголовно-процессуального порядка как максимально отвечающего интересам пострадавших (обеспечение скорейшего возмещения вреда в полном объеме).

Теоретические выводы и позиции, предложения прикладного характера, указанные в положениях, выносимых на защиту, ранее не были представлены в юридической литературе или фигурировали в теории исключительно в порядке постановки конкретной научной проблемы, или существенно дополняют аргументационную часть предложений по совершенствованию УПК РФ, что свидетельствует о получении автором данного исследования новых научных результатов.

Положения, относящиеся к философско-правовым основам и генезису института ответственности государства перед гражданами, незаконно подвергнутыми уголовно-процессуальному принуждению.

1. Генезис правового института ответственности государства перед гражданами, незаконно подвергнутыми уголовно-процессуальному принуждению, уходит корнями к философско-правовым теориям ответственности государства перед своими гражданами за незаконное и неоправданное применение к ним силы. Практической реализации идеи ответственности государства за причинение вреда способствовали частные теории, основывающиеся на необходимости учреждения в государстве компенсационных институтов с прозрачным объемом ответственности и упрощенной процедурой возмещения вреда.

2. Философско-правовые теории, получившие свое отражение в трудах Г.Ф. Шершеневича, И.А. Ильина и других ученых, нормативно выраженные в основных положениях уголовного судопроизводства, его принципах, предусматривают или подразумевают такие понятия как справедливость, гуманность, нравственность, совесть, интерпретируемые представителями философии права в разные периоды ее эволюции, включая современных правоведов, в качестве обязательных детерминант построения уголовного судопроизводства и его институтов. Они послужили основанием

для постановки и решения ранее не рассматриваемой теорией уголовного процесса проблемы выбора нравственного императива отечественной модели института возмещения вреда, причиненного незаконным принуждением, в итоге послужившего методологической основой его построения.

3. Доказано, что как самостоятельный способ возмещения вреда широкому кругу лиц, в отношении которых не ведется уголовное преследование, он сохранил гражданско-правовые компоненты и многоотраслевой характер, давая возможность заинтересованным лицам заявлять требование о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства.

4. В основе выбора способа компенсации вреда, причиненного лицу незаконным принуждением в ходе производства по уголовному делу, представлены два варианта: 1) отказ от использования для решения этой задачи уголовно-процессуальных средств с заменой их гражданскими процессуальными процедурами; 2) использование комбинированного механизма, сочетающего уголовно-процессуальный (основной, с применением правил ст. 399 УПК РФ) и гражданский процессуальный (вспомогательный, с применением правил о гражданском иске) способы.

Анализ тенденций развития уголовно-процессуального законодательства с момента введения в действие УПК РФ, согласно которым происходит его переориентация в сторону готовности защитить имущество физических и юридических лиц публично-правовыми средствами, выявил преимущества использования комбинированного механизма возмещения вреда.

Положения, относящиеся к методологии исследования и основным признакам института возмещения вреда пострадавшим в ходе уголовного судопроизводства.

5. Доказано, что теоретически и нормативно завершена концептуализация института возмещения вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, если иметь в виду развитие соответствующей доктрины и закрепление в законодательстве всех существенных признаков правового института.

Материальный признак правового института, аккумулирующий определенные разновидности общественных отношений, на которые воздействуют наполняющие конкретный институт правовые предписания, не является статичным, изменяется в силу динамичности уголовно-процессуального права и притягивает новые общественные отношения, не имеющие аналогов и не входящие в предмет регулирования ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ.

6. Структура материального признака института возмещения вреда, причиненного незаконным принуждением, определяется **в основном** следующим образом:

- отношения, возникающие по поводу признания за лицом права на возмещение вреда в случаях, указанных в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ;
- отношения по поводу выбора процедуры рассмотрения требований лица о возмещении вреда;

- отношения, связанные с обеспечением лицу, незаконно подвергнутому уголовно-процессуальному принуждению, квалифицированной юридической помощи;
- отношения, связанные с определением вида вреда, возмещаемого в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ;
- отношения, связанные с направлением судебных материалов о возмещении вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства;
- отношения, возникающие в связи с обжалованием постановления судьи о производстве выплат, возврате имущества.

Структурой материального признака данного института могут также охватываться отношения, возникающие в связи с обжалованием решений начальника следственного органа, прокурора о признании в порядке ст. 124 УПК РФ незаконными действий и бездействия дознавателя, следователя.

7. Юридический признак института возмещения вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, имеет завершенное нормативное оформление. На фоне меняющихся научных подходов и взглядов в трактовке современных представлений о праве, его источниках, признании легитимным судейского права или нормотворчества надлежит рассматривать и юридический признак любого правового института, в том числе института возмещения вреда, основные законоположения которого закреплены в ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46, ст. 53 Конституции РФ, ч. 4 ст. 11 УПК РФ, гл. 18 УПК РФ «Реабилитация», ст. ст. 124-125¹ УПК РФ.

8. Институциональные нормы и правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, регулирующие возмещение вреда широкому кругу лиц, незаконно подвергаемых уголовно-процессуальному принуждению, воплощают в своем содержании особую юридическую конструкцию.

Ее характерными чертами являются: а) ориентированность на возмещение вреда, как правило, лицам, не имеющим статуса уголовно-преследуемых, а при соответствующих условиях – подозреваемым и обвиняемым; б) выделение обязательного конструктивного элемента в виде проверки и оценки законности применения принудительных мер процессуального характера с вынесением об этом специального процессуального акта; в) установление единой процессуальной формы рассмотрения дел о возмещении вреда, представляющей комплекс правил, закрепленных в ст. 399 УПК РФ и применяемых для разрешения возникающих при исполнении приговора вопросов; г) альтернатива в виде возможности рассмотрения требования о возмещении вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, в порядке гражданского судопроизводства.

Положения, раскрывающие самостоятельность и оригинальность института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, а также его межотраслевой характер.

9. Аргументировано, что нормы, регулирующие возмещение вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, во взаимосвязи с правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, представляют монолитное нормативное правовое образование, адекватно отражающее особенности регулируемых общественных отношений и отвечающее всем признакам самостоятельного уголовно-процессуального института.

10. Выявлено, что самостоятельность института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, детерминирована необходимостью установления незаконности применения меры процессуального принуждения в рамках внесудебной или судебной процедуры с вынесением об этом отдельного процессуального решения.

11. Приведен ряд дополнительных аргументов в пользу законодательного решения о распространении порядка, установленного ст. 399 УПК РФ, на дела о возмещении вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам уголовно-процессуального принуждения (правила ст. 399 УПК РФ универсальны, отлажены судебной практикой, гарантируют соблюдение следующих прав участников судебного разбирательства: осуществление своих прав лично или с помощью адвоката, ознакомление с поступившими в суд материалами, участие в их рассмотрении, заявление ходатайств и отводов, дача объяснений, представление документов).

12. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, имеет смешанную правовую природу, что обусловлено характером исторически сложившихся взаимосвязей гражданского и уголовного судопроизводства.

13. Уточнены и дополнены теоретические представления о сущности смешанных правовых институтов, обнаруживаемых в границах действия родственных правовых отраслей, сохраняющих свою принадлежность к основной отрасли права. Смешанные институты теоретически и практически могут принадлежать нескольким соответствующим отраслям права.

Недооценка специфики смешанных правовых институтов – одна из основных причин безосновательных споров по вопросу о юридической природе смешанного института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения. Предложенное понимание смешанных правовых институтов позволяет примирить или сделать компромиссными представленные в литературе взаимоисключающие мнения, признающие исключительно гражданско-правовую либо уголовно-процессуальную природу исследуемого правового института.

14. Комбинированный механизм правового регулирования возмещения вреда признан приоритетным как более экономичный и гибкий, положен в основу авторской позиции в части направлений совершенствования правового регулирования института возмещения вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства.

Положения о совершенствовании института возмещения вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения.

15. Определены направления совершенствования уголовно-процессуального института возмещения вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения, охватывающие как его внутреннюю структуру (круг субъектов права на возмещение вреда; перечень процессуальных принудительных мер; оценка законности применяемых мер уголовно-процессуального принуждения), так и его внешние взаимосвязи (подключение к правовому регулированию наряду с УПК РФ других законов; взаимодействие уголовного и гражданского судопроизводства при выборе процедуры возмещения вреда; возможность применения института за пределами производства по уголовному делу).

16. В целях более четкого разграничения института реабилитации и возмещения вреда, эффективного использования регулятивного потенциала норм ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, а также учитывая системное единство и утвердившиеся взаимосвязи нормативных положений о возмещении вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, предлагается объединить действующие нормы (а в перспективе и доктринальные нормы в статусе *de lege ferenda*) на базе нормативного массива, предусмотренного разделом IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения».

17. Идею ответственности государства за вред, причиненный незаконной уголовно-процессуальной деятельностью широкому кругу лиц, следует выразить в ч. 3 ст. 133 УПК РФ и предусмотреть правило о разъяснении заинтересованным лицам права на его возмещение.

18. Обоснована целесообразность устранения выявленного пробела уголовно-процессуального законодательства, выражающегося в отсутствии в УПК РФ предписаний об обязанности дознавателя, следователя, прокурора, суда разъяснять лицу, подвергнутому незаконному уголовно-процессуальному принуждению, право и порядок восстановления своего имущественного положения, предусмотренного ст. 399 УПК РФ.

19. Для обеспечения реального доступа к правосудию физических и юридических лиц в целях защиты своих имущественных интересов в УПК РФ следует предусмотреть, что действия дознавателя, следователя, должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, участвующих в обыске, выразившиеся в повреждении имущества, явно несоразмерном необходимому, могут быть обжалованы в суд по месту производства следственных действий в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ.

Теоретическая значимость диссертационного исследования объективно проявляется самой постановкой проблемы институционализации правоотношений, возникающих и развивающихся при причинении вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения. Теоретические положения, доказывающие его самостоятельное назначение

в уголовном судопроизводстве и раскрывающие алгоритм его применения, вносят вклад в науку не только по конкретным вопросам, но и в целом в теорию уголовно-процессуального права.

Разработанная и опирающаяся на систему аргументов теория института возмещения вреда, причиненного лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения, раздвигает рамки теоретических представлений о способах реализации обязанности государства возмещать вред, причиненный при производстве по уголовному делу, привносит в уголовно-процессуальную теорию новые знания философии права, общей теории права и государства, конституционного права. Приведены аргументы в пользу самостоятельности в сравнении с реабилитацией обсуждаемого процессуального института, целесообразности его оптимизации в части усиления компенсаторных возможностей.

Комплекс выработанных и обоснованных автором выводов и положений способен стимулировать новые научные исследования в контексте взаимосвязей институтов уголовно-процессуального права, пронизывающих всю одноименную отрасль.

Практическая значимость диссертационного исследования. Выводы и предложения правового характера, представленные в работе, могут быть полезны в законотворческом процессе при разработке нормативных положений, касающихся понятийного правового аппарата (круг «любых», «иных», «третьих» лиц, которые могут стать субъектами права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ; понятие «меры процессуального принуждения»; выбор судебной процедуры для рассмотрения требования о возмещении вреда).

Материалы исследования в виде доктринального анализа конкретных дел, участникам которых причинен вред неправомерным применением мер принуждения, в том числе при производстве следственных действий, направлены для непосредственного использования в суды, где проводилось обобщение судебной практики, и иные суды субъектов Российской Федерации.

Аргументированные в диссертации выводы и положения могут представлять интерес и использоваться в учебном процессе при преподавании в образовательных учреждениях высшего образования учебной дисциплины «Уголовный процесс», в системе повышения квалификации судей, следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов.

Полученные результаты могут служить теоретическим фундаментом для проведения новых научных исследований, детализирующих основания и порядок возмещения вреда любым лицам, незаконно подвергавшимся в ходе производства по уголовному делу принудительным действиям.

Степень достоверности полученных результатов обеспечена применением апробированного научно-методологического аппарата, значительным объемом исходного нормативного и теоретического материала, судебной практики, статистических данных. Установлено принципиальное сходство авторских результатов с представленными в иных источниках результатами, «пересекающимися» в связи с реализацией конституционных

гарантий компенсации государством причиненного вреда, наступившего от незаконного применения мер процессуального принуждения.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертация выполнена на кафедре публичного права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук», где проводилось ее рецензирование и обсуждение.

Основные результаты, полученные в процессе подготовки диссертации, отражены в 2-х монографиях, а также в 29 научных статьях и тезисах выступлений на конференциях, форумах и круглых столах, в том числе в 20 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, из них 19 статей опубликованы в научных журналах, относящихся к первой категории (К1) и 1 статья второй категории (К2). Всего по теме диссертации опубликована 31 научная работа общим объемом 42,4 п.л.

Основные положения диссертационного исследования обсуждались на следующих научных мероприятиях:

1) Всероссийской научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», посвященной 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи (г. Орёл, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 11 октября 2014 г.);

2) Всероссийской научно-практической конференции «Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности», приуроченной к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича» (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 24-25 октября 2019 г.);

3) Международной научно-практической конференции «Парадигма современного уголовного процесса» (г. Москва, Российский государственный университет правосудия, 29 июня 2020 г.);

4) Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации» (г. Омск, Омская академия МВД России, 25 апреля 2019 г.);

5) Международной научно-практической конференции «Уголовный закон и нравственность» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 29 сентября 2021 г.);

6) XIX Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 20-21 января 2022 г.);

7) Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования (к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию

действия УПК РФ)» (г. Орёл, ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 6-7 октября 2022 г.);

8) Научно-практической конференции «Судебная защита прав личности в уголовном судопроизводстве», посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (г. Москва, Российский государственный университет правосудия, 13 апреля 2022 г.);

9) Межрегиональной научно-практической конференции «Судебная защита прав ребенка» (г. Тамбов, Тамбовская духовная семинария при информационной поддержке журналов «Судья» и «Российская юстиция», 29 сентября 2022 г.);

10) научно-практической конференции «Судебное правоприменение и правотворчество в современном правовом порядке» к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (г. Тверь, Тверской областной суд, 7 октября 2022 г.);

11) X Всероссийской научно-практической конференции «Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов», посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (г. Казань, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 20 октября 2022 г.);

12) научной конференции «Человек в пространстве права» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский городской суд, 17 марта 2023 г.);

13) V Бизнес-конференции «Уголовная ответственность руководителей организаций, владельцев бизнеса и участников стартап-проектов» (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 7 апреля 2023 г.);

14) V юбилейном международном форуме юристов и экономистов «Современные проблемы права и экономики в Европе и Азии» (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 13-16 сентября 2023 г.);

15) Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», посвященная 30-летию принятия Конституции РФ (г. Орёл, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 12-13 октября 2023 г.);

16) XXIII Международной научно-практической конференции «Государство и право России в современном мире» (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 23-25 ноября 2022 г.);

17) XI Международной научно-практической конференции «Теория и практика расследования преступлений» (г. Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 13 апреля 2023 г.);

18) Всероссийском круглом столе с международным участием «Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (г. Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 9 февраля 2024 г.);

19) Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения) (г. Орёл, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 11 октября 2024 г.);

20) Всероссийской научно-практической конференции «Кассационные суды общей юрисдикции: первые итоги, практика, перспективы» (г. Москва, Второй кассационный суд общей юрисдикции, 3 октября 2024 г.).

Результаты исследования внедрены в научно-исследовательскую деятельность, а также в учебный процесс Государственного академического университета гуманитарных наук, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Омской академии МВД России, Байкальском государственном университете и для практического использования – в Санкт-Петербургском городском суде, Воронежском областном суде, Красноярском краевом суде, Ивановском областном суде, Тамбовском областном суде, Ставропольском краевом суде, Нижегородском областном суде, Белгородском областном суде, Псковском областном суде, Оренбургском областном суде, в суде Ямало-Ненецкого автономного округа, Верховном суде Республики Ингушетия, Верховном суде Республики Марий Эл, о чем имеется 18 актов о внедрении.

Структура и объем диссертационного исследования соответствует логике построения научного исследования, определяется целями и задачами и включает в себя введение, четыре главы, содержащие одиннадцать параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи, обозначаются объект и предмет исследования, отражаются теоретическое и практическое значение, методологическая и эмпирическая базы, научная обоснованность и достоверность результатов работы, показана его научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования, раскрывается его структура.

Глава первая **«Государство как ответчик за вред, причиненный лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью»** состоит из двух параграфов, в которых осуществлена постановка проблемы, показан нравственно-философский срез обязанности «государственной компенсации» пострадавшим от незаконной процессуальной деятельности, в рамках которой незаконно применялись меры принуждения.

В первом параграфе **«Философско-правовые аспекты феномена**

«ответственность государства за вред, причиняемый участникам уголовного судопроизводства» рассмотрены такие понятия, как справедливость, гуманность, нравственность и ряд других, интерпретируемых представителями философии права в разные периоды ее эволюции. Интерпретационный материал, полагает соискатель, открывает серьезные теоретико-методологические возможности дальнейшего изучения многих традиционных и формирующихся уголовно-процессуальных институтов с позиции ответственности государства перед участниками уголовно-процессуальных отношений. В случаях, когда одной из сторон выступает гражданин, права и законные интересы которого ущемлены незаконным применением мер процессуального принуждения, обязанность регулятора обеспечить нормативную регламентацию таких отношений, наряду с формальным процедурным аспектом, имеет гуманистическую, нравственную составляющую.

Обращаясь к научным трудам по философии права, оформившейся в самостоятельную отрасль знаний, исследователи (Э. Кант, Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта, Г. Гегель) пришли к выводам о возможности использования для решения конкретных научно-исследовательских задач таких концепций философии права, которые практически учитывают три момента: 1) сознание неудовлетворительности действующего правопорядка в целом или его частей; 2) постановку идеала как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желательному. В совокупности они представляли в философии права методологию политики или критический метод правоведения.

В диссертации показывается, что разработанный российским государственным деятелем Г.Ф. Шершеневичем критический метод правоведения имеет важное значение для характеристики правового регулирования возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью в связи с производством по уголовному делу. Тонкости этого метода заключены в следующих рассуждениях Г.Ф. Шершеневича:

– научное отношение к вопросу отличается от общежитийского тем, что интересы науки, ее проблемы, ее методы должны получить независимость от преходящих общественных отношений;

– разработка вопросов о праве, каким оно должно быть, в отличие от права, какое оно есть, составляет постоянную задачу правоведения;

– миссия науки состоит в том, чтобы, не дожидаясь острых поворотов, подготовить преобразование в мирных условиях.

Сказанное имеет прямое отношение к проблематике, вытекающей из взятой государством на себя ответственности за причинение вреда лицу (субъекту уголовно-процессуальных отношений) неправомерным применением принудительных мер, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 133 УПК РФ, «растворившейся» внутри главы 18 УПК РФ.

Параграф продолжает анализ взглядов отечественного правоведа

и философа И.А. Ильина на роль и значение государства в жизни общества, сущность взаимоотношений и взаимосвязей государства и людей, права и силы (принудительности). По И.А. Ильину, сильное правовое государство должно строиться на признании духовной и свободной человеческой личности. Государственная власть должна относиться к гражданам как к самостоятельным субъектам права, а отношение, связывающее в единый союз граждан, как субъектов права, и государство, как коллективный субъект права, есть правоотношение.

Соискатель замечает, что предложенное понимание устройства государства и его признаков, соотношения категорий «государство» и «право» не всеми философами воспринималось одинаково положительно, идея придания взаимоотношениям граждан и государства правовых форм оказалась в определенной мере конструктивной.

Среди современных публикаций, посвященных философским, духовно-нравственным детерминантам построения уголовного судопроизводства, соискатель выделяет монографию А.В. Победкина, посвященную основным положениям УПК РФ. Ученый остановил свой взгляд на целом ряде институциональных вопросов, объединенных общей проблематикой «духовно-нравственного» содержания уголовного судопроизводства. С учетом тематики диссертационного исследования в заключительной части параграфа более подробно рассмотрены авторские позиции о нравственном наполнении принципов уголовного судопроизводства, об опасности возрождения бинарного подхода к принципам уголовного процесса (когда допускаются исключения из основных начал уголовного судопроизводства), о разработке новой системы его принципов как правовых ценностей, тесно связанных с нравственными категориями, о предании нравственности каждому уголовно-процессуальному институту, каждой уголовно-процессуальной норме, закрепленной в УПК РФ, признании и раскрытии содержания принципа справедливости.

Во втором параграфе **«Возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, как юридическая и нравственная обязанность государства»** показываются истоки и обусловленность формирования самостоятельного в уголовном процессе способа защиты имущественных прав лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность в связи с производством по уголовному делу.

Соискатель акцентирует внимание на внешнем сходстве между правовыми образованиями в УПК РФ, регулируемыми с одной стороны возмещение вреда реабилитированному, а с другой – возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения в связи с уголовным преследованием иных лиц. Однако они задуманы как принципиально разные средства защиты прав лиц, которым вред причинен мерами государственного принуждения незаконно.

Далее в параграфе отмечается, что закрепление в ч. 3 ст. 133 УПК РФ права любого лица на возмещение ущерба в указанных случаях – не только юридическое, но и прежде всего государственно-политическое решение.

Принципиально важно, считает соискатель, что в уголовно-процессуальной теории фактически выделилась как самостоятельная частная теория (О.В. Гладышева, Х.М. Лукожев, В.Ю. Мельников, В.А. Семенцов) правообеспечения в уголовном судопроизводстве, основывающаяся на понимании категории «обеспечение прав и свобод личности» как возможности осуществления деятельности в соответствии с установленными нормативными правилами и обязательностью их соблюдения, а также в определении требований, обращенных как к самой деятельности, так и ее результатам. Делается вывод, что в контексте проблемы обеспечения права на возмещение вреда лицам в соответствии с ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ актуальными на сегодняшний день остаются все элементы, выражающие содержание «теории правообеспечения в уголовном судопроизводстве».

Отдельно проанализирована конституционная обязанность государства компенсировать ущерб, нанесенный ошибками и злоупотреблениями власти, в том числе при осуществлении уголовного судопроизводства, правосудия (глава 2 «Права и свободы человека и гражданина», статьи 52 и 53 Конституции РФ). Показывается, что вслед за институтом реабилитации идет процесс кристаллизации и автономизации совокупности норм, предусматривающих право любого лица оспорить законность применения к нему мер государственного принуждения и предъявить государству требования о возмещении вреда, причиненного процессуальными принудительными мерами. Это дает основание, аргументирует автор, исследовать данное правовое образование в контексте признаков правового института (ст. 53 Конституции Российской Федерации, ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ), что принципиально важно для разработки теоретической модели правового реагирования на факты незаконного применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Соискатель считает перспективными исследования правовой природы анализируемого компенсаторного механизма с позиций его встроенности в правоотношения, регулируемые на конституционном, межотраслевом и отраслевом уровнях. Перенесение на сферу анализируемых публичных отношений норм гражданского права и процесса, т.е. придание закрепленной в ч. 3 ст. 133 УПК РФ процедуре частных правовых признаков, не имеет под собой оснований.

Вторая глава **«Возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, как самостоятельный институт уголовно-процессуального права, его признаки, структура и отличие от института реабилитации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Генезис и развитие теоретических представлений о феномене «возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения» в российской науке уголовного процесса»** на основе результатов анализа соответствующих литературных источников, публикуемых в течение более чем ста лет, отслеживается закономерность зарождения и эволюции идеи

возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовно-процессуальному принуждению.

В начале параграфа дан анализ выражения «возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство». Отмечается, что оно носит общий характер и подразумевает широкий спектр ситуаций, когда не только реабилитированным подозреваемому и обвиняемому, но и любому вовлеченному в уголовный процесс лицу с конкретным процессуальным статусом (свидетель, потерпевший) или без такового, а также независимо от стадии производства по уголовному делу, гарантируется возмещение вреда, вызванного незаконным применением мер процессуального принуждения.

Соискатель приводит доказательства того, что с учетом положений, содержащихся в ст. 58 Конституции СССР 1977 г. и гарантирующих гражданам возмещение ущерба от незаконных действий организаций и должностных лиц, интенсифицировались не только законодательные работы в указанном направлении, но и доктринальные исследования. Наряду с продвижением идеи полного возмещения вреда реабилитированным подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному, учеными-процессуалистами предпринимались и попытки расширить круг субъектов права на возмещение вреда, причиненного гражданам с различным процессуальным статусом следственными действиями, мерами процессуального принуждения. Субъектами названного права стали упоминаться и юридические лица.

Проведенный соискателем анализ законодательства о возмещении вреда, причиняемого в сфере уголовного судопроизводства, в частности положений ч. 2 ст. 1070 ГК РФ, которой даны новые импульсы к закреплению в российской правовой системе четкого механизма устранения наступивших неблагоприятных последствий для субъектов уголовно-процессуальных отношений, позволил заключить: к концу предыдущего столетия в отечественном законодательстве начинают оформляться два подхода к возмещению вреда лицам, пострадавшим от уголовного судопроизводства:

а) в отношении граждан, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, с которых сняты все обвинения, действует принцип «возмещения вреда в полном объеме, независимо от вины должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу», т.е. применяются специально предусмотренные для указанных случаев правила;

б) в отношении граждан и юридических лиц, которым вред причинен следственными действиями, мерами принуждения, – вред возмещается на общих основаниях.

В диссертации подчеркивается, что четких разделительных границ между указанными подходами не существовало. Второе же направление в нормативном регулировании рассматриваемых общественных отношений воспринималось самим законодателем, а также исследователями в большей степени как «побочное явление» осуществления основного досудебного и судебного производства по уголовному делу, проявляющееся за рамками

реабилитационных отношений в виде имущественных потерь граждан и юридических лиц, подлежащих возмещению.

Также обращается внимание на то, что меры процессуального принуждения применяются и «за рамками уголовного преследования», к участникам уголовного процесса, которые не подвергаются и не могут подвергаться уголовному преследованию (свидетель, потерпевший). В ходе уголовного судопроизводства незаконными действиями вред может быть причинен также лицам, не имеющим процессуального статуса и вовлекаемым в производство по уголовному делу не персонально, а косвенно, посредством осуществления процессуальных действий в отношении них или их имущества (В.В. Мурылева-Казак), например, лицам, в жилище которых проводится обыск, или лицам, на имущество которых наложен арест.

При причинении незаконным применением мер процессуального принуждения вреда указанным лицам возникает проблема выбора процессуальных средств защиты их прав, прежде всего, имущественных. Порядок возмещения вреда реабилитированному не может здесь применяться по аналогии в силу принципиальных отличий реабилитационных отношений и отношений по поводу возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Профессора А.П. Гуляев и В.В. Николук выделили два направления, которые развивались в теории уголовного процесса в связи с поиском оптимальной нормативной модели возмещения вреда, причиняемого гражданам и юридическим лицам в сфере уголовно-процессуальной деятельности: 1) усиление правовых гарантий имущественных интересов лиц, реабилитированных по уголовному делу; 2) формирование правовых оснований для возмещения вреда, причиненного гражданам различными процессуальными (следственными) действиями и принудительными мерами, независимо от итогового решения по уголовному делу.

Идея компенсации вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органом, осуществляющим уголовное судопроизводство, не только реабилитированному, но и всякому лицу, незаконно подвергнутому принудительным процессуальным мерам в рамках уголовного дела, стала получать доктринальное оформление в научных источниках, опубликованных в период ведения активной работы над УПК РФ (1996-2001 гг.) и отражающих единую позицию о том, что законом предусмотрен именно уголовно-процессуальный порядок возмещения вреда, наступившего в результате незаконного применения процессуальных принудительных мер, в том числе в связи с производством следственных действий, «хотя эти следственные действия вообще не связаны с уголовным преследованием данных лиц, а производились в целях собирания доказательств и категории невиновности и реабилитации к этим случаям вообще не имеют никакого отношения».

Второй параграф **«Институциональный (межотраслевой и отраслевой) подход к исследованию феномена «возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»: методология построения проблемы и ее**

главный вопрос» посвящен современному этапу развития научных представлений о феномене возмещения вреда, причиненного гражданам различными процессуальными (следственными) действиями и принудительными мерами, независимо от итогового решения по уголовному делу.

Отмечается, что состояние уголовно-процессуальной доктрины возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, качественно отличалось в различные временные отрезки и отражало в большей степени содержание в этой части законодательства и правовых позиций Верховного Суда СССР, Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда РФ (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве; от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»; от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»). В качестве примера активизации научных исследований, простимулированных соответствующими судебными правовыми позициями, соискатель приводит постановление Пленума Верховного Суда РФ о внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». Одним из самых обсуждаемых оказался вопрос о «расшифровке» понятия «меры процессуального принуждения» применительно к ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Сложившаяся вокруг него правовая неопределенность, проявившаяся двадцать лет назад, не устранена. Для разрешения указанной проблемной ситуации автор предлагает рассматривать уголовно-процессуальное принуждение в качестве конструктивного элемента обособленного нормативного образования в системе уголовно-процессуального права, предусматривающего возмещение вреда иным лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальную деятельность и неправомерно подвергнутым принудительным процессуальным мерам. Поэтому исключительно важное значение для выработки понятия и круга мер процессуального принуждения в контексте развития положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ, взаимодействующих с ними других норм УПК РФ и иных федеральных законов, приобрели теоретические положения о сущности государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, о видах мер принуждения, условиях и порядке их применения, обоснованные Н.А. Аменицкой, С.И. Вершининой, В.В. Рудичем, Э.К. Кутуевым, К.В. Муравьевым, В.В. Николюком, В.С. Раменской, И.Б. Тутыниным, высветивших многие грани изучаемого нормативного комплекса, претендующего на самостоятельную подотрасль уголовно-процессуального права.

Правильной расстановке акцентов в интерпретации категории «уголовно-процессуальное принуждение» способствуют приведенные в диссертации результаты опроса судей, прокуроров и адвокатов.

За расширительный подход к пониманию термина «меры процессуального принуждения», фигурирующего в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, высказался 281 судья из 527 опрошенных, или 53,3%. Предпочитают трактовать узко, исключительно формально категорию «меры процессуального принуждения» 242 из 527 опрошенных судей, или 45,9%.

Мнения прокуроров при ответе на поставленный вопрос оказались следующими: 94 опрошенных респондента из 178, или 52,9%, склонны придерживаться расширительного толкования категории «меры процессуального принуждения». Чуть меньше – 83 из 178, или 46,0%, прокуроров предпочитают оставаться в рамках раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», хотя случаи принудительного проведения следственных действий с нарушением закона и причинением вреда на практике достаточно распространены.

Позиция, базирующаяся на формальных критериях разграничения принудительных мер, где главным считается – упомянуты или нет они в разделе IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», принципиально не исключает сближение ее с трактовкой мер процессуального принуждения в широком смысле, дополнительно учитывающей следственные действия принудительного характера. При проведении последних и фиксируется основное число нарушений закона.

Таким образом, результаты опроса судей и прокуроров по обозначенному выше вопросу могут быть истолкованы двояко: 1) респонденты на первое место ставят формально-юридическое восприятие закона в анализируемой части; 2) судьи и прокуроры реально оценивают фактическое содержание феномена «уголовно-процессуальное принуждение» и учитывают положения соответствующей доктрины. Оба варианта недалеки от истины.

Качественные изменения в теории уголовного процесса, наступившие как закономерный итог ведущихся исследований в контексте компенсации имущественных потерь любым лицам, наступивших от неправомерного применения к ним мер принуждения, окончательно вывели их из тени института реабилитации и выделили в самостоятельное научное направление наряду с возмещением лицу вреда, причиненного преступлением (а), возмещением вреда реабилитированному (б), охраной имущественных интересов лица в связи с его участием в уголовном процессе (в).

Проведенный соискателем детальный анализ литературных источников, прямо или опосредованно связанных с изучением доктринальных позиций о легитимации в уголовном процессе самостоятельного компенсаторного механизма, ориентированного на иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство без надления процессуального статуса, показал, что, будучи в первые 15 лет после введения в действие УПК РФ разрозненными, пространными и не имеющими системного единства, в последующие годы

доктринальные позиции многих исследователей уже допускали восприятие нормативного комплекса, являющегося регулятором общественных отношений, связанных с возмещением физическим и юридическим лицам вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, через призму самостоятельного уголовно-процессуального института.

Соискатель также обращает внимание на следующий важный момент. Сторонники самостоятельности регулируемого ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ способа возмещения вреда лицу, ставшему объектом незаконного уголовно-процессуального воздействия в связи с уголовным преследованием других лиц, не раскрывают в деталях его специфику, в частности, не проясняют, в рамках какой процедуры должна устанавливаться незаконность применения к участнику уголовного процесса меры процессуального принуждения и незаконность действий в отношении юридического лица и какой процессуальный акт будет давать лицу право на возмещение вреда в порядке, определенном гл. 18 УПК РФ.

Соискатель также приводит аргументы, не позволяющие поддержать предложения (И.Б. Тутынин) переместить из уголовно-процессуального права нормативные правила разрешения вопросов о возмещении причиненного вреда за неправомерное применение мер процессуального принуждения с выделением его в самостоятельное компенсаторное производство по аналогии с производством по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство и права на исполнение судебного акта в разумный срок. При действующей конструкции институт возмещения вреда за неправомерное применение мер процессуального принуждения не может быть разделен путем размещения одной части его положений в законодательстве об административном судопроизводстве, а другой его части – в уголовно-процессуальном законодательстве.

Представленная в правовой литературе концепция совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего сферу возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (А.С. Кирилов), оценивается соискателем как внутренне противоречивая. Она не содержит теоретических положений о процедуре оценки законности принудительных мер, которым подвергаются участники уголовного процесса в связи с производством следственных действий, применением мер процессуального принуждения.

В третьем параграфе **«Сущность института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, его признаки, правовая природа, соотношение с реабилитацией»** исследуются общетеоретические аспекты категории «правовой институт». В нем аккумулирован материал, отражающий теоретические взгляды о понятии и признаках правовых институтов.

Среди многообразия высказанных учеными-юристами точек зрения наиболее точную его характеристику, позволяющую проецировать ее и на отраслевые, в том числе уголовно-процессуальные, институты,

представляет, по мнению соискателя, дефиниция правового института, предложенная В.С. Якушевым, которая сводится к тому, что под ним понимается основанная на законе совокупность норм, призванных регулировать в рамках предмета данной отрасли права определенное, обладающее относительной самостоятельностью общественное отношение. Авторская дефиниция правового института опирается на следующие взаимосвязанные положения:

– материальный признак правового института – наличие относительно самостоятельного по своему содержанию общественного отношения;

– юридический признак правового института – совокупность норм, закрепленных в законе;

– одна правовая норма, независимо от степени важности закрепленного в ней правила, не может представлять собой правовой институт, поскольку не обеспечивает полноту правового регулирования общественного отношения;

– образующие правовой институт нормы группируются не случайно, а по их юридическому содержанию, что превращает их в систему взаимосвязанных, «сцементированных» правил, обеспечивающих достижение желаемого результата;

– признание правового института основным структурным подразделением отрасли права должно найти отражение в дефинициях отрасли права.

В ходе последующих исследований, как было установлено соискателем, происходило уточнение предложенной В.С. Якушевым характеристики правового института и обращалось внимание на иные его грани, иллюстрирующие специфику данного внутриотраслевого правового образования.

В основу анализа внешних форм выражения правового института взята позиция С.С. Алексеева, который отмечал, что большинство правовых институтов закрепляется в виде структурных подразделений кодифицированного акта – главы или раздела. Детализируя этот тезис, ученый приходит к выводу, что при определении архитектоники нормативного акта необходимо стремиться к тому, чтобы каждое из его укрупненных подразделений (глава, подглава) посвящалось одному правовому институту. Современные приемы законодательной техники позволяют в основном обеспечить по этому принципу распределение нормативного материала в кодифицированных законах. Однако указанный подход не является универсальным.

Приведенными положениями, характеризующими феномен правового института, не исчерпываются доктринальные представления о данном правовом образовании, встроенном в систему права и являющимся элементом любой правовой отрасли. В результате исследования констатируется, что за счет усилий ученых, ведущих в течение многих десятилетий разработки в этом направлении, сформировано понятие правового института, обозначены его конструктивные признаки. При определенной их условности они вполне могут быть методологической основой для исследования конкретных

отраслевых институтов, в нашем случае – группы норм, регулирующих возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения.

В контексте раскрытия регулятивного потенциала части третьей ст. 133 УПК РФ обращает на себя внимание такой поддерживаемый большинством теоретиков права признак правового института, как целостный и достаточный арсенал правовых норм, обеспечивающих относительно законченное регулирование соответствующих общественных отношений. На сложившийся институт указывают, с одной стороны, имеющаяся в законодательном акте группа однородных норм, с другой – обособление их от других норм отрасли права.

Гипотетически количественного признака недостаточно для выделения в отрасли права самостоятельного института. Однако дефицит норм, усеченность нормативной основы регулирования конкретной разновидности общественных отношений свидетельствуют о том, что процесс становления правового института не завершен. Обычно этот процесс происходит следующим образом: в закон включается норма, закрепляющая основное отношение (его предмет, участников, результат), и она служит правовой основой формирования института как совокупности норм.

Данный процесс может иметь различные временные рамки и зависит от ряда факторов (социальной значимости общественных отношений; степени заинтересованности государства, общества в принятии закона; качества и готовности законопроекта; лоббирования закона и др.). Известны примеры становления и юридического закрепления институтов права в течение многих лет: институт возвращения судом уголовного дела прокурору для организации дополнительного расследования (ст. 237 УПК РФ), обязанный своим зарождением и развитием соответствующим правовым позициям Конституционного Суда РФ, формировался в течение десяти лет (Б.Я. Гаврилов, В.В. Кальницкий, Т.В. Куряхова, Н.А. Колоколов).

Исследователи феномена правового института заостряют внимание на таком его признаке, как внешняя обособленность норм, образующих институт права. Они отмечают следующее: во-первых, наличие в соответствующем кодексе главы не всегда свидетельствует о закреплении ею института отрасли права; во-вторых, ведущее место во взаимодействии содержания и формы института принадлежит содержанию, развитие которого и ведет к необходимости замены его устаревшей формы новой; в-третьих, содержание институтов отрасли права может развиваться как в результате более детального регламентирования уже урегулированных отношений, так и в результате урегулирования отношений, которые ранее не были урегулированы законодателем. Подобные подходы к пониманию механизма нормативного обособления в отрасли права ее институтов были учтены соискателем при рассмотрении возможных способов закрепления в законодательстве нормативной общности, регламентирующей возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения.

Еще один вектор исследований особенностей правовых норм, оформляющихся в правовые институты, связан с констатацией размещения в законодательных актах разнородных норм двух и более отраслей права, что обусловило выделение и отдельное рассмотрение так называемых комплексных (межотраслевых) институтов, объединяющих в себе нормы различных отраслей права (С.Н. Братусь), проекции которых налагаются на уголовное судопроизводство, высвечивая межотраслевой характер института гражданского иска в уголовном деле, основанного на ассоциации норм ГК РФ, ГПК РФ и УПК РФ.

Активизация в последние 10-15 лет отраслевых научных изысканий, выполненных в контексте позиций философии права, общей теории права и направленных на изучение специфики отраслевых и межотраслевых правовых институтов (В.М. Жуйков, В.П. Кашепов, Е.А. Киримова, Н.В. Лантух, В.В. Николюк), определила и следующий логический шаг завершившегося исследования – обращение к доктринальным положениям о правовых институтах, разработанным специальными отраслевыми науками.

В третьей главе **«Правовая основа возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** рассматриваются различные источники, закрепляющие «традиционные» правовые нормы, а также судебные решения, содержащие правовые позиции, и непосредственно судебная практика.

В первом параграфе **«Конституция Российской Федерации и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в механизме возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** исследуются проблемы непосредственного участия конституционных норм и выработанных на их основе правовых позиций в регулировании отношений, возникающих при реализации положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Обращение к содержанию соответствующих норм Конституции РФ (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46, ст. 53), утверждающих право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, дает четкое представление об их прямом действии в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Соискатель не соглашается с точкой зрения (Е.В. Скурко) о том, что Конституция РФ выполняет исключительно миссию своеобразной «дорожной карты» для правотворческих и правоприменительных органов, все права непосредственного применения Конституции РФ переданы Конституционному Суду РФ.

В этой связи не потеряли остроты и актуальности правовые позиции Верховного Суда РФ, выраженные в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», ориентируя суды при рассмотрении дел оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом

правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия.

Далее в параграфе отмечается, что для конституционных норм характерен высокий уровень абстрактности, общности. Поэтому для уголовного процесса приоритетное значение имеет истолкование Конституционным Судом РФ конкретной нормы Конституции РФ в соответствии с ее конституционно-правовым смыслом, что значительно усиливает ее регулятивный потенциал. В процессе оформления (мотивировки, обоснования) и окончательного выражения Конституционным Судом РФ в принимаемом постановлении или определении правовой позиции проверяемая норма словно перерождается, раскрывается, конкретизируется, показываются ее связи с другими близкими по назначению, процессуальной природе законоположениями, находящимися с ней в объективной взаимосвязи, в системном единстве.

Поэтому конституционные основы института возмещения лицу вреда, причиненного незаконным применением к нему мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу, в представлении соискателя, составляют не только собственно указанные выше нормы Конституции РФ, а также применимые к процедуре возмещения вреда от незаконного применения принудительных мер правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные им по вопросам выбора вида судопроизводства (уголовно-процессуального или гражданского процессуального) для рассмотрения судьей требования лица о возмещении вреда, бремени и правилах доказывания его размера, активности суда в получении доказательств. Они подробно анализируются в финальной части параграфа.

Важной в связи с исследуемой диссертационной проблематикой представляется следующая правовая идея, определившая содержание приведенной позиции.

Несмотря на разную правовую природу отношений по возмещению лицу вреда, причиненного ведением уголовного судопроизводства (лица, подвергавшиеся уголовному преследованию, и лица, против которых не выдвигались подозрения и обвинения), пострадавшим должен быть создан процессуальный режим наибольшего благоприятствования, предполагающий скорейшее восстановление в правах, возмещение причиненного вреда в полном объеме и в процедурах, максимально отвечающих интересам пострадавших.

Во втором параграфе **«Регламентация в уголовно-процессуальном и ином федеральном законодательстве возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** рассмотрены вопросы участия норм федеральных законов в регулировании отношений, возникающих при реализации предписаний ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ.

Обосновываются положения о том, что, во-первых, ч. 3 ст. 133 УПК РФ неудачно, сугубо по формальным признакам (оба правовых образования

объединяет направленность на возмещение вреда) размещена законодателем в главе 18 УПК, из-за чего снижен ее потенциал как регулятора общественных отношений; во-вторых, в содержании ч. 3 ст. 133 УПК выделяются несколько важных конструктивных элементов, в своей совокупности придающих данному способу возмещения вреда самобытность и неординарность в системе уголовного процесса.

Далее рассматривается каждый из получивших нормативное выражение конструктивных элементов феномена возмещения вреда широкому кругу лиц, не имеющих процессуального статуса. Выделяется следующая их логически взаимосвязанная цепочка: любое лицо – мера процессуального принуждения – незаконное ее применение при производстве по уголовному делу – причиненный вред – использование судебной процедуры, предусмотренной для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Каждый из названных элементов оценивается в контексте оптимальности их нормативного выражения в УПК РФ, интерпретации как соответствующих правовых позиций Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, а также судебной практикой. Аргументируются предложения по совершенствованию УПК РФ в соответствующей части.

Путем использования выражения «любое лицо», уточняет соискатель, законодатель установил неопределенный круг субъектов права на возмещение вреда. В этом фрагменте ч. 3 ст. 133 УПК РФ полностью соответствует ст. 53 Конституции РФ, имеющей общий характер и предусматривающей право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями его должностных лиц.

Употребление словосочетания «лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения» указывает на достаточно широкий круг случаев, когда к вовлеченным в уголовный процесс лицам применяются принудительные меры, предусмотренные УПК РФ. При этом законодателем не оговорено, что в ч. 3 ст. 133 УПК РФ речь идет только о принудительных мерах, перечисленных в главе 14 УПК РФ.

С одной стороны, делает вывод соискатель, данный подход позволяет «взять под защиту» максимально возможное число лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство и в той или иной степени стесненных применением к ним принудительных процессуальных мер, являющихся почти всегда обязательным атрибутом всех следственных действий. С другой стороны, подобный вариант нормативного описания в ч. 3 ст. 133 УПК РФ такого конструктивного элемента исследуемого правового образования, как «меры процессуального принуждения», позволяет слишком широко определять перечень лиц, у которых может возникнуть право на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ. При буквальном прочтении содержащихся в ней терминов «любое лицо» и «меры процессуального принуждения» в этот перечень могут включаться также участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, в частности подозреваемый, обвиняемый. В результате уникальность компенсаторного механизма, предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ, изначально ориентированного на

обеспечение возмещения вреда иным лицам, вовлекаемым в уголовный процесс, утрачивается. Он смешивается с институтом возмещения вреда реабилитированному.

Проанализированы также и другие элементы правовой конструкции, предусмотренной ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Очередной выделяемый в диссертации структурный элемент правовой конструкции возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, связан с позицией законодателя в части установления пределов его действия в уголовном судопроизводстве. Пределы эти обозначены в ч. 3 ст. 133 УПК РФ «производством по уголовному делу».

При таком подходе проблематичным становится распространение положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ на ситуации, когда лицу вред может быть причинен принудительными мерами в связи с проверкой сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Современная ее редакция допускает принуждение в ходе ведущейся проверки сообщения о преступлении (например, дознаватель, следователь вправе не только истребовать, но и изымать предметы и документы). Значит, не исключается и причинение такими действиями вреда лицу, участвующему в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении.

В судебной практике возникают также вопросы о компенсации вреда условно осужденному в связи с его заключением под стражу в рамках производства об отмене условного осуждения и направлении его в исправительное учреждение для отбывания наказания. При признании судебного решения об отмене условного осуждения незаконным условно осужденный не подпадает под категорию «реабилитированный». Формально у него не возникает и права требовать возмещения по правилам ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

В нормативную основу возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, входит также ст. 139 УПК РФ «Возмещение вреда юридическим лицам», которая воспринята в процессуальной литературе неоднозначно.

Проблема возмещения юридическим лицам вреда, наступившего от незаконных уголовно-процессуальных действий, предстает в следующем виде: по версии одних ученых (Л.В. Головки) такой вред подлежит возмещению по правилам гражданского судопроизводства, поскольку юридическое лицо ни в каком виде не отождествляется с реабилитированным и порядок компенсации вреда, установленный гл. 18 УПК РФ, не распространяется на юридическое лицо.

Сторонники другой точки зрения (М.Х. Абдрахманов) обращают внимание на бланкетный характер ст. 139 УПК РФ: в ней имеется отсылка к положениям гл. 18 УПК РФ, которые должны применяться для обеспечения возмещения вреда юридическому лицу, наступившего в связи с вовлечением его в уголовно-процессуальную деятельность (изъятие у юридического лица предметов, документов, наложение ареста на имущество юридического лица). Из этого вовсе не следует, что при возникновении оснований для возмещения

юридическому лицу вреда, причиненного совершенными в отношении него незаконными процессуальными действиями, автоматически запускается гражданский правовой режим решения подобных вопросов.

Законодатель в гл. 18 УПК РФ предусмотрел два организационно-правовых механизма возмещения вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного судопроизводства: а) уголовно-процессуальный механизм, охватывающий реабилитированного, когда вступил в законную силу юридический акт, указанный в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, а также физических и юридических лиц, когда имеется вступивший в законную силу юридический акт о незаконности применявшихся в отношении них принудительных процессуальных мер; б) гражданский процессуальный механизм, распространяющийся на реабилитированного, физических и юридических лиц в случаях, оговоренных законом.

В заключении указывается, что содержание п. 2 ст. 1070 ГК РФ рассчитано на ситуации, связанные с причинением любым лицам, вовлеченным в уголовный процесс, в том числе юридическим лицам, иных неблагоприятных последствий процессуальными действиями, проводимыми в рамках уголовного дела. Положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ – правовая основа возмещения вреда, причиняемого в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры лицам независимо от их процессуального статуса в уголовном деле и юридическим лицам.

Предписания п. 2 ст. 1070 ГК РФ, а также ряд других норм гражданского права, позволили законодателю «заложить» в ч. 3 ст. 133 УПК РФ принципиальную возможность возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. В регулировании возникающих при этом общественных отношений в перспективе могут принять участие и другие нормы гражданского права.

В третьем параграфе **«Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** анализу подвергаются подходы высшего судебного органа страны к позиционированию назначения в уголовном судопроизводстве ч. 3 ст. 133 УПК РФ, предусмотревшей самостоятельный способ возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью.

Содержание параграфа предваряет принципиально важное положение о том, что в контексте сложившегося в современной научной литературе понимания источников уголовно-процессуального права, последнее воспринимается как динамично и постоянно находящийся в развитии процесс, в котором принципиально меняется роль судьи: от пассивного исполнителя воли законодателя к более динамичной и творческой фигуре в ходе отправления правосудия (Х.Г. Гаджиев). Тем самым фактически признается, что судебное правотворчество уже более не является вспомогательным эффектом несовершенного акта, служит необходимым инструментом для

интеграции законодательства, выступая одновременно в качестве незаменимого элемента развития права.

Соискатель подчеркивает, что судебная практика в части применения положений ч. 3 ст. 133, 139 УПК РФ складывается непросто, судебные решения в этих случаях принимаются крайне редко. Пленум Верховного Суда РФ не дал и разъяснений, необходимых для разграничения институтов возмещения вреда реабилитированному и иным лицам. Отсюда актуален проведенный в диссертации анализ под этим углом зрения близких к рассматриваемой проблематике постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Приводятся доводы в пользу того, что пределы действия группы нормативных предписаний о возмещении вреда, причиненного иным лицам в результате неправомерного применения к ним мер процессуального принуждения, детализируются правовой позицией Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15 ноября 2022 года № 33. Верховный Суд РФ дал разъяснения относительно круга лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными. Верховный Суд РФ остановился на позиции признания такого права как у лиц, в отношении которых судебным решением было санкционировано их проведение, так и у иных лиц, проживающих в жилом помещении, где производятся обыск, выемка, если данными незаконными действиями этим лицам в результате нарушения их прав (например, на тайну личной жизни) причиняются физические и (или) нравственные страдания (п. 44).

В связи с этим дается авторский анализ к данному разъяснению Верховного Суда РФ по вопросу о круге лиц, могущих претендовать на возмещение вреда при производстве указанных следственных действий, и процедуре его возмещения. Отмечается, что право на компенсацию морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными, имеют следующие субъекты независимо от того, с санкции суда или без нее они проводились: 1) подозреваемый, обвиняемый; 2) иное лицо, проживающее в жилом помещении, где проводился обыск, выемка.

Результатом реагирования на попытки найти оптимальные способы компенсации участвующим в уголовном процессе лицам нанесенного имущественного урона в связи с производством следственных действий является и следующая позиция Верховного Суда РФ.

В научной литературе аргументируется точка зрения (В.А. Азаров), согласно которой порядок возмещения имущественных потерь не должен зависеть от того, виновными или объективно-противоправными действиями нанесен вред. При таком подходе отпадает необходимость оценки законности действий, причинивших имущественный вред лицу, у которого проводился, например, обыск или выемка. Причиненные же убытки будут возмещаться за счет судебных издержек по соответствующему судебному решению.

В диссертации изложенная позиция признается спорной, поскольку возникает вопрос: как быть с одним из обязательных условий возмещения вреда, причиненного в ходе производства следственных, процессуальных действий, не связанных с уголовным преследованием лица, как их незаконность? В ч. 3 ст. 133 УПК РФ конкретно оговорено, что право на возмещение вреда у лица возникает исключительно в случаях, когда меры процессуального принуждения применялись незаконно.

Если все же пойти по пути возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, в том числе при производстве следственных действий, за счет государства путем распределения судебных издержек при постановлении приговора, то можно предвидеть следующее негативное развитие анализируемой ситуации. Прежде чем определить размер судебных издержек, связанных с причинением вреда следственными действиями в стадии предварительного расследования, необходимо будет провести «самостоятельный процесс» для оценки законности действий, причинивших ущерб. В результате судья не сможет постановить приговор до тех пор, пока не разрешит дополнительный вопрос, касающийся размера и распределения судебных издержек.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 года № 11, от 15 декабря 2022 года № 38), несмотря на разногласия в доктрине, разъяснено: «К процессуальным издержкам не относятся расходы на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями и решениями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, в порядке, установленном частями 3 и 5 статьи 133 УПК РФ (например, расходы на возмещение вреда, причиненного в результате незаконного изъятия и удержания имущества в качестве вещественного доказательства» (п. 3).

В основе данного разъяснения лежит тезис: причиняемый участникам уголовно-процессуальной деятельности вред незаконными принудительными мерами не может ассоциироваться с необходимыми и оправданными расходами, связанными с производством по уголовному делу. Он не носит объективно вынужденного характера.

Таким образом информативность и практическая полезность для выявления особенностей, индивидуальностей, самобытности института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам уголовно-процессуального принуждения, имеют также решения апелляционных и кассационных судов по конкретным делам. Уникальность предписаний, предусмотренных ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, в условиях отсутствия официального и доктринального толкования, обуславливает разное понимание судьями возникающих в правоприменении ситуаций, что выражается в конкретных судебных актах.

Четвертый параграф «Судебная практика как регулятор общественных отношений, возникающих при возмещении вреда,

причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения» посвящен анализу судебных решений, принятых по результатам рассмотрения и разрешения вопросов о возмещении вреда лицам, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

По итогам анализа материалов уголовных дел в диссертации аргументируется несколько взаимосвязанных выводов и положений, позволяющих увидеть новые грани правового образования, развивающегося на фундаменте конституционных норм (ч. 1 ст. 45 и ч. 2 ст. 46, 52, 53 Конституции РФ), по-иному воспринимать назначение и потенциал данного регулятора общественных отношений в сфере возмещения вреда любому лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения.

Результаты изученной судебной практики подтвердили предположение, что отсутствие в УПК РФ предписаний об обязанности дознавателя, следователя, прокурора, суда разъяснять лицу, подвергнутому незаконному уголовно-процессуальному принуждению, право и порядок восстановления своего имущественного положения, альтернативный процедуре рассмотрения гражданского иска – явный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве. Он негативно сказывается на фактической реализации ч. 4 ст. 11 УПК РФ, гарантирующей возмещение вреда любому лицу, пострадавшему от незаконных процессуальных действий. Данный недостаток в правовом регулировании механизма возмещения вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, считает соискатель, требует устранения.

Данный подход к пониманию ответственности государства перед участниками уголовно-процессуальной деятельности представляется правильным и его надлежит нормативно выразить в УПК РФ.

Принимая во внимание возникающие на практике ситуации, когда сотрудниками полиции при исполнении постановления следователя о принудительном приводе свидетеля и его доставлении в орган предварительного расследования причинен физический и моральный вред, а решение следователя о приводе и действия сотрудников полиции признаны незаконными, в диссертации высказывается точка зрения о целесообразности использования для возмещения обоих видов вреда процедуру, предусмотренную УПК РФ.

Завершают параграф аргументированная позиция, согласно которой из сферы применения ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ не должны исключаться уголовно-преследуемые лица. В указанных нормах речь идет именно о «любом лице». Когда продолжается производство по основному уголовному делу, положения ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ могут выступить в качестве *резервных* норм при рассмотрении судом вопроса о производстве выплат лицу, незаконно задерживавшемуся на основании ст. 91 УПК РФ и с которого полностью сняты подозрения. В противном случае лицо, неправомерно задержанное по подозрению в совершении преступления, вынуждено обращаться в суд с вопросом о возмещении имущественного вреда в порядке гражданского судопроизводства или дожидаться реабилитации по расследуемому уголовному делу.

Обоснован также вывод о неопределенности уголовно-процессуального законодательства в части признания за некоторой категорией лиц права на возмещение вреда, причиненного, например, заключением под стражу условно осужденного, условно-досрочно освобожденного в рамках производства об отмене условного осуждения и условно-досрочного освобождения, и порядка возмещения вреда в указанных случаях.

В заключительной четвертой главе **«Перспективы совершенствования института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** рассмотрен комплекс вопросов, указывающих, с одной стороны, на целесообразность устранения противоречий, несогласованностей и неопределенностей в нормативной основе института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением к лицу мер уголовно-процессуального принуждения, а с другой – способствующих выбору направлений совершенствования правового регулирования данного института.

В первом параграфе **«Предпосылки совершенствования института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** обозначены «ситуации правовой неопределенности», снижающие эффективность практически всех этапов реализации лицом права на возмещение вреда в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ.

Автор приходит к выводу о том, что моделирование процессуального порядка рассмотрения требований о возмещении вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, теоретически перспективно при условии четкого представления исследователем юридической природы данного правового феномена и назначения его в системе уголовно-процессуальных средств защиты имущественных и иных интересов граждан, а также юридических лиц.

Контрпродуктивно воспринимать исследуемое правовое образование как разновидность института реабилитации. Его потенциальные рамки применения намного шире (не ограничен круг лиц, могущих претендовать на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ) в сравнении с институтом реабилитации. С этих позиций и должна создаваться в законе процессуальная конструкция проверки правомерности уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, участвующих в уголовном деле.

В диссертации показывается, что в результате интенсификации научных исследований проблематики, связанной с ответственностью государства за вред, неправомерно причиняемый участвующим в уголовном процессе лицам, изменяется и предмет частной теории устранения последствий незаконного уголовного судопроизводства. Подтверждением этому служат доктринальные позиции, в основу которых положены признание самостоятельности названного правового института и убежденность в необходимости совершенствования его законодательной регламентации. В качестве примера в диссертации анализируется точка зрения

А.А. Давлетова, предложившего закрепить в законе правило: право на компенсацию возникает у лица не только при незаконном применении собственно мер процессуального принуждения, но и при незаконном производстве следственных действий, если это повлекло имущественный либо иной вред. Данная точка зрения вполне логично вытекает из общего назначения института возмещения вреда, причиненного лицу неправомерным применением процессуальных принудительных мер: государство гарантирует возмещение ущерба потерпевшему от преступления, возмещение вреда реабилитированному и компенсацию имущественных потерь любым лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство. К последним относятся и участники следственных действий, которые часто сопряжены не только с различными ограничениями прав и свобод человека и гражданина, но и способны непосредственно причинить имущественный вред лицам, присутствующим при проведении следственного действия. Классическим примером подобных ситуаций является требование ч. 6 ст. 182 УПК РФ не допускать при обыске не вызываемое необходимостью повреждение имущества. Данная норма детально проанализирована в третьей главе диссертации. Соискатель пришел к выводу, что действия дознавателя, следователя, должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность по производству обыска, в ходе которого причиняется повреждение имущества, явно несоразмерное необходимому, могут быть обжалованы в районный суд по месту проведения следственного действия в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ.

В контексте признания самостоятельности института возмещения вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, в уголовно-процессуальной теории приведены доводы в пользу совершенствования законодательной регламентации структурных элементов рассматриваемого института с распространением границ его действия на уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую до возбуждения уголовного дела и при исполнении приговора, формулированием дефиниции «меры процессуального принуждения», с выявлением соотношения мер процессуального принуждения и следственных действий, установлением порядка проверки законности применения мер процессуального принуждения, возрастает актуальность поиска рационального варианта размещения внутри УПК РФ правовых норм, образующих исследуемый институт.

Изложенное и ряд других обстоятельств, делает вывод автор, обуславливают целесообразность принятия законодателем поправок следующего характера: 1) изменения и дополнения, направленные на оптимизацию структуры, содержание института возмещения вреда, причиненного лицу вследствие незаконного применения мер процессуального принуждения; 2) изменения, которые должны обеспечить устойчивые тесные связи и взаимодействие института возмещения вреда, причиненного лицу вследствие незаконного применения мер процессуального принуждения, с иными близкими по правовой природе уголовно-процессуальными институтами; 3) дополнения, направленные на оптимизацию судебной

процедуры рассмотрения дел о возмещении вреда.

Второй параграф **«Основные направления совершенствования института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения»** подводит итоги проведенного исследования, аккумулируя основные теоретические положения и выводы, а также предложения по совершенствованию УПК РФ.

Позиционирование в системе уголовно-процессуального права в качестве самостоятельного правового института нормативного образования, регулирующего общественные отношения, возникающие и изменяющиеся в связи с возмещением любому лицу вреда, вызванного незаконным применением мер процессуального принуждения, неизбежно видоизменяет привычные представления о предусмотренных УПК РФ способах восстановления имущественных потерь участникам уголовного процесса. Подобный подход разрушает стереотипы о безальтернативной предпочтительности гражданской процессуальной формы перед уголовно-процессуальной при рассмотрении требований о возмещении вреда, вытекающих из нарушений УПК РФ.

По мнению соискателя, принципиально важно оказать научную и законодательную поддержку изучаемому правовому образованию, для чего следует систематизировать представленные в литературе выводы и предложения *de lege ferenda*, разработать собственные, вытекающие из проведенного исследования теоретические положения, дающие возможность на их основе сформулировать соответствующие доктринальные нормы.

Параграф продолжается последовательным рассмотрением имеющихся в современной литературе концепций, моделей, позиций, непосредственно или косвенно затрагивающих проблемы функционирования автономного института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения. Автором выделяется пять отличающихся позиций по указанным вопросам.

Теоретические разработки Ю.О. Максимихиной, Д.В. Татьяна и В.В. Николук, будучи автономными и независимыми, отмечается в диссертации, в то же время имеют и общие идеи. Указанные авторы придерживаются позиции самостоятельности в уголовном процессе института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, и выступают за обособление в УПК РФ его правового регулирования с выделением под него отдельной главы. Учеными разработаны структура и текст такой главы, что является безусловно интересным в плане будущих законодательных работ по обсуждаемым вопросам.

Далее в параграфе осуществлен детальный анализ теоретической концепции реабилитации в российском уголовном процессе, разработанной А.А. Орловой. В содержание концепции включены и нормы, ориентированные на конкретизацию порядка возмещения вреда лицу, пострадавшему в ходе уголовного судопроизводства (четвертое направление).

Большинство приведенных проектных норм сконструированы как универсальные: предполагается, что они в равной степени обеспечат регулирование отношений, субъектами которых являются реабилитированный и пострадавший от незаконной уголовно-процессуальной деятельности. В целом, считает соискатель, такой вариант вполне оправдывает себя, поскольку исключает дублирование и не загромождает закон.

В диссертации положительно оценивается законопроект в той части, где представлены предложения о закреплении в УПК РФ правовых гарантий обеспечения пострадавших в ходе уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью в связи с реализацией права на возмещение вреда, обязанности должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, разъяснить право на возмещение вреда в соответствующих случаях.

Другие предложения А.А. Орловой нуждаются в дополнительном уточнении. Так, нет никаких причин для того, чтобы отказаться от внесудебного порядка установления применения мер процессуального принуждения с нарушением закона исключительно судебным решением. Процедура, предусмотренная ст. 124 УПК РФ, обеспечивает оперативность рассмотрения руководителем следственного органа, прокурором жалоб лиц, оспаривающих законность применения к ним процессуальных принудительных мер, позитивно зарекомендовала себя на практике и отказываться от нее, когда принудительные меры применялись без судебного разрешения, опрометчиво.

Соискатель возражает против того, чтобы форма уголовного или гражданского судопроизводства должна определяться усмотрением пострадавшего в ходе уголовного судопроизводства. Этот вопрос относится к публичной сфере, в каком-то смысле судебное производство по рассмотрению требований о возмещении вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133, 139 УПК РФ является продолжением основного производства по уголовному делу.

В параграфе обсуждается одна из ключевых проблем института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, корректное решение которой должно дать ответ на вопрос: в каком разделе и в каких главах в УПК РФ в целях повышения эффективности правового регулирования следует разместить нормы, составляющие правовую основу названного института.

Соискатель обращает внимание на устойчивые связи норм раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения» с нормами гл. 18 УПК РФ, предусмотренными ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ. Основная их связь проходит через категорию «меры процессуального принуждения», являющуюся институциональной для обоих институтов – института уголовно-процессуального принуждения и института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения. Основной нормативный массив, сконцентрированный в разделе IV УПК РФ, влияет на содержание правового образования, регулирующего общественные

отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Нормы главы 14 раздела IV УПК РФ фактически формируют элементный состав рассматриваемого института. За счет использования ключевых терминов, к которым относятся «меры процессуального принуждения», «законность применения процессуальных принудительных мер», «причинение вреда», законодатель поддерживает взаимосвязь и взаимодействие названных институтов. В таких условиях автор предлагает объединить действующие нормы, образующие юридический признак института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, на базе нормативного массива, предусмотренного разделом IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения».

В завершающей части параграфа анализируются другие подходы ученых (М.Х. Абдрахманов, В.А. Азаров, А.С. Кириллов, В.С. Раменская, М.Р. Сафаралеев, И.Б. Тутынин) к организации в УПК РФ нормативного материала, относящегося к возмещению вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ. Отмечаются их преимущества и спорные положения, выражается отношение к ним в контексте позиционирования феномена «возмещение вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения» как самостоятельного правового института и способа компенсации вреда лицам, пострадавшим в ходе уголовного судопроизводства, имеющего смешанную юридическую природу.

Основные направления оптимизации института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, представлены в диссертации в системе взаимосвязанных положений, изложенных как результаты проведенного исследования (положения, выносимые на защиту, заключительные положения).

В **заключении** формулируются краткие выводы по большинству вопросов, включенных в предмет исследования, и подводятся итоги в целом по исследуемой в работе проблеме.

Приложения содержат проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», ориентирующего законодателя на необходимость внесения изменений в УПК РФ по вопросу возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, результаты опроса судей, сотрудников прокуратуры и адвокатов по вопросу понимания назначения в уголовном процессе положений ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, их содержания и возможностей практического применения.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в двух монографиях и двадцати девяти научных статьях общим объемом 42,4 п.л., в том числе в двадцати статьях, опубликованных в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Монографии:

1. Мядзелец О.А. Возмещение вреда от незаконной уголовно-процессуальной деятельности: монография / О.А. Мядзелец; Государственный академический университет гуманитарных наук. – Москва: Проспект, 2025. – 144 с. – 8,6 п.л.

2. Мядзелец О.А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования: монография / О.А. Мядзелец. – Омск: Омская академия МВД России, 2008. – 175 с. – 10,5 п.л.

Научные статьи, опубликованные в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (19 статей опубликованы в научных журналах, относящихся к первой категории (К1) и 1 статья второй категории (К2)):

3. Мядзелец О.А. Судебный порядок проверки законности и обоснованности решений о прекращении уголовного дела // Российское правосудие. – 2007. – № 10 (18). – С. 93–103. – 1 п.л.

4. Мядзелец О.А. Отмена судом постановления о прекращении уголовного дела и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 126–129. – 1 п.л.

5. Мядзелец О.А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против // Российская юстиция. – 2008. – № 6. – С. 39–41. – 0,9 п.л.

6. Мядзелец О.А. Категория «незаконность мер процессуального принуждения» в контексте права на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 133 УПК РФ) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (15). – С. 214–225. – 0,25 п.л.

7. Мядзелец О.А. Пересмотр в кассации промежуточных решений, связанных с исполнением приговора // Уголовный процесс. – 2020. – № 11. – С. 52–57. – 0,75 п.л.

8. Мядзелец О.А. Особенности законодательной регламентации института реабилитации в УПК стран ближнего зарубежья // Российское правосудие. – 2021. – № 6. – С. 105–112. – 1 п.л.

9. Мядзелец О.А. Развитие института возмещения вреда, причиненного правоохранительными органами и судом (обсуждаем законопроект) // Российский судья. – 2021. – № 10. – С. 49–53. – 0,6 п.л.

10. Мядзелец О.А. К вопросу определения состояния беспомощности потерпевшего: проблемы возмещения / И.Р. Шикун, О.А. Мядзелец, В.Д. Хабалев // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 9-2. – С. 331–340. – 1,25 п.л., соавторство не разделено.

11. Мядзелец О.А. Механизм судебной защиты реабилитированного: нормативное регулирование, правовые позиции высших судов (эволюция доктрины) // Российская юстиция. – 2022. – № 7. – С. 35–41. – 0,9 п.л.

12. Мядзелец О.А. Возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения в контексте теории

правового института // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 26–31. – 1 п.л.

13. Мядзелец О.А. Конституционные основы института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу // Российская юстиция. – 2022. – № 1. – С. 41–47. – 0,9 п.л.

14. Мядзелец О.А. Понятие «любое лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения» как институциональный элемент механизма возмещения вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 136–140. – 0,3 п.л.

15. Мядзелец О.А. Институты уголовно-процессуального права: понятие, признаки, методология исследования // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 29–36. – 1 п.л.

16. Мядзелец О.А. Отраслевые исследования категории «правовой институт» и их взаимосвязь с теорией уголовно-процессуальных институтов // Российская юстиция. – 2023. – № 2. – С. 38–46. – 1,1 п.л.

17. Мядзелец О.А. Нормативные основы возмещения вреда, причиненного третьим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения // Российская юстиция. – 2023. – № 1. – С. 27–34. – 1 п.л.

18. Мядзелец О.А. Когда суды станут признавать самостоятельность предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ основания возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 142–148. – 1 п.л.

19. Мядзелец О.А. Альтернативные способы возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 3. – С. 13–19. – 1 п.л.

20. Мядзелец О.А. Компенсация морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными // Российский судья. – 2024. – № 3. – С. 8–12. – 0,6 п.л.

21. Мядзелец О.А. Концептуализация института возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам уголовно-процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 412–420. – 0,5 п.л.

22. Мядзелец О.А. Возмещение вреда, причиненного необоснованным привлечением предпринимателей к уголовной ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 10 (277). – С. 104–110. – 0,75 п.л.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

23. Мядзелец О.А. Виды процессуальных решений по предъявленному гражданскому иску в уголовном деле // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2014. – № 1 (2). – С. 175–182. – 1 п.л.

24. Мядзелец О.А. Почему право на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 133 УПК РФ), остается декларативным? // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – № 1 (2). – С. 39–46. – 1 п.л.

25. Мядзелец О.А. Правовое регулирование возмещения вреда реабилитированным и лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – № 1 (3). – С. 17–26. – 1,25 п.л.

26. Мядзелец О.А. Понятийный аппарат института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2022. – № 1 (4). – С. 16–21. – 0,75 п.л.

27. Мядзелец О.А. Развитие института реабилитации в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации // Судья. – 2022. – № 12 (144). – С. 28–32. – 0,6 п.л.

28. Мядзелец О.А. Актуальные теоретико-методологические проблемы возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Орёл, 12–13 октября 2023 г.). – Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. – Ч. 2. – С. 16–24. – 0,5 п.л.

29. Мядзелец О.А. Меры процессуального принуждения как элемент юридической конструкции института возмещения вреда, предусмотренного частью 3 статьи 133 УПК РФ // Теория и практика расследования преступлений: материалы XI Международной научно-практической конференции / Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 427–503. – 0,4 п.л.

30. Мядзелец О.А. Специфика кассационного пересмотра промежуточных судебных решений, связанных с исполнением приговора // Государство и право России в современном мире: сборник докладов XII Московской юридической недели: в 5 ч. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – Ч. 4. – С. 92–99. – 0,5 п.л.

31. Мядзелец О.А. Что говорит теория и показывает практика возмещения вреда, причиненного лицу незаконной уголовно-процессуальной деятельностью? // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов

Международной научно-практической конференции (Орёл, 11 октября 2024 г.). – Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – Ч. 2. – С. 14–21. – 0,5 п.л.

Мядзелец Ольга Александровна

**ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ
МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 26 июня 2025 г. Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № 179т

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России
125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8